

Чехов Антон Павлович

**Полное собрание сочинений
Ант. П. Чехова**

Том 16

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А72

А72 **Антон Павлович Ч.**
Полное собрание сочинений Ант. П. Чехова: Том 16 / Чехов Антон Павлович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 176 с.

ISBN 978-5-521-30203-1

ISBN 978-5-521-30203-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

XIV.

Тарайка. — Вольные поселенцы. — Ихъ неудачи. — Айно, границы ихъ распространенія, численный составъ, наружность, пища, одежда, жилища, ихъ нравы. — Японцы. — Кусунъ-Котанъ. — Японское консульство.

Въ мѣстности, которая называется Тарайкою, на одномъ изъ самыхъ южныхъ притоковъ Поронная, впадающаго въ заливъ Терпѣнія, находится селеніе *Сиска*. Вся Тарайка причисляется къ южному округу, разумѣется, съ большою натяжкой, такъ какъ отъ нея до Корсаковска будетъ верстъ 400 и климатъ здѣсь отвратительный, хуже, чѣмъ въ Дуэ. Тотъ проектированный округъ, о которомъ я говорилъ въ X главѣ, будетъ называться Тарайкинскимъ и въ него войдутъ всѣ селенія по Поронной, въ томъ числѣ и Сиска; пока же здѣсь селятъ южанъ. Въ казенной вѣдомости показано жителей только 7: 6 м. 1 ж. Въ Сискѣ я не былъ, но вотъ выдержка изъ чужого дневника: «Какъ селеніе, такъ и мѣстность самая безотрадная; прежде всего, отсутствіе хорошей воды, дровъ; жители пользуются изъ колодезь, въ которыхъ во время дождей вода красная, тундровая. Берегъ, гдѣ расположено селеніе, песчаный, вокругъ вездѣ тундра... Въ общемъ вся мѣстность производитъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе» *).

*) Селеніе стоитъ на перепутьи; ѣдущіе зимою изъ Александровска въ Корсаковскъ или наоборотъ, непременно останавливаются здѣсь. Въ 1869 г. около теперешняго, тогда японскаго, селенія былъ построенъ станокъ. Жили здѣсь солдаты съ женами, а поздне и ссыльные. Въ теченіе зимы, весны и конца лѣта тутъ кипѣла бойкая ярмарочная жизнь. Зимою наѣзжали сюда тунгусы, якуты, амурскіе гиляки, которые вели торговлю съ южанами-инородцами, а весной и въ концѣ лѣта на джонкахъ приходили японцы для рыбныхъ промысловъ. Названіе станка—*Тихменевскій постъ*—сохранилось и до настоящаго времени.

Теперь, чтобы покончить съ Южнымъ Сахалиномъ, остается мнѣ сказать нѣсколько словъ еще о тѣхъ людяхъ, которые жили когда-либо здѣсь и теперь живутъ независимо отъ ссыльной колоніи. Начну съ попытокъ къ вольной колонизаціи. Въ 1868 г. одною изъ канцелярій восточной Сибири было рѣшено поселить на югѣ Сахалина до 25 семействъ; при этомъ имѣлись въ виду крестьяне свободного состоянія, переселенцы, уже солившіеся по Амуру, но такъ неудачно, что устройство ихъ поселеній одинъ изъ авторовъ называетъ плачевнымъ, а ихъ самихъ горемыками. Это были хохлы, уроженцы Черниговской губ., которые раньше, до прихода на Амуръ, уже селились въ Тобольской губ., но тоже неудачно. Администрація, предлагавшая имъ переселиться на Сахалинъ, давала обѣщанія въ высшей степени заманчивыя. Обѣщали безвозмездно въ теченіе двухъ лѣтъ довольствоваться ихъ мукой и крупой, снабдить каждую семью займообразно земледѣльческими орудіями, скотомъ, сѣменами и деньгами, съ уплатою долга черезъ пять лѣтъ, и освободить ихъ на 20 лѣтъ отъ податей и рекрутской повинности. Переселиться изъявили желаніе 10 амурскихъ семействъ и, кромѣ того, 11 семействъ изъ Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ., всего 101 душа. Въ 1869 г., въ августѣ, ихъ отправили на транспортѣ *Манджуръ* въ Муравьевскій постъ, чтобы отсюда перевезти вокругъ Анивскаго мыса Охотскимъ моремъ въ постъ Найбучи, отъ котораго до Такойской долины, гдѣ предполагалось положить начало вольной колоніи, было только 30 верстъ. Но наступила уже осень, свободного судна не было, и тотъ же *Манджуръ* доставилъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ скарбомъ въ Корсаковскій постъ, откуда они рассчитывали пробраться въ Такойскую долину сухимъ путемъ. Дороги тогда не было вовсе. Прапорщикъ Дьяконовъ, по выраженію Мицуля, «двинулся» съ 15 рядовыми дѣлать неширокую просѣку. Но двигался онъ, вѣроятно, очень медленно, потому что 16 семействъ не стали дожидаться окончанія просѣки и отправились въ Такойскую долину прямо черезъ тайгу на вьючныхъ волахъ и телѣгахъ; на пути выпалъ глубокой снѣгъ, и они должны были часть телѣгъ бросить, а часть положить на полозья. Прибывши въ долину 20 ноября, они немедленно стали строить себѣ бараки и землянки, чтобы укрыться отъ холода. За недѣлю до Рождества пришли остальные 6

семействъ; но помѣститься имъ было негдѣ, строиться поздно, и они отправились искать пристанища въ Найбучи, оттуда въ Кусуннайскій постъ, гдѣ и перезимовали въ солдатскихъ казармахъ; весною же вернулись въ Такойскую долину.

«Но тутъ-то и пачала сказываться вся неряшливость и неумѣлость чиновничества»,—пишетъ одинъ изъ авторовъ. Обѣщали разныхъ хозяйственныхъ предметовъ на 1.000 рублей и по 4 головы разнаго скота на каждую семью, но когда отправляли переселенцевъ на *Манджуръ* изъ Николаевска, то не было ни жернововъ, ни рабочихъ воловъ, лошадямъ не нашлось мѣста на суднѣ, и сохи оказались безъ сошниковъ. Зимой сошники были привезены на собакахъ, но только 9 штукъ, и когда въ послѣдствіи переселенцы обратились къ пачальству за сошниками, то просьба ихъ «не обратила на себя должнаго вниманія». Быковъ прислали осенью 1869 г. въ Кусуннай, но изнуренныхъ, полуживыхъ, и въ Кусуннай вовсе не было заготовлено сѣна, и изъ 41 околѣло за зиму 25 быковъ. Лопади остались зимовать въ Николаевскѣ, но такъ какъ кормы были дороги, то ихъ продали съ аукціона, и на вырученные деньги купили новыхъ въ Забайкальи, но эти лошади оказались хуже прежнихъ и крестьяне забраковали пѣсколькихъ. Сѣмена отличались дурною всхожестью, яровая рожь была перемѣшана въ мѣшкахъ съ озимю, такъ что хозяева потеряли скоро къ сѣменамъ всякое довѣріе и, хотя и брали ихъ изъ казны, но скармливали скоту или сѣдали сами. Такъ какъ жернововъ не было, то зеренъ не мололи, а только запаривали ихъ и ѣли, какъ кашу.

Послѣ ряда неурожаевъ, въ 1875 г. случилось наводненіе, которое окончательно отняло у переселенцевъ охоту заниматься на Сахалинѣ сельскимъ хозяйствомъ. Стали опять переселяться. На берегу Анивы, почти на полъ-дорогѣ отъ Корсаковского поста къ Муравьевскому, въ такъ называемой Чибисани, образовался выселокъ въ 20 дворовъ. Потомъ стали просить позволенія переселиться въ Южно-Уссурійскій край; ожидали они разрѣшенія, какъ особой милости, съ петерпѣніемъ, десять лѣтъ, а пока кормились охотой на соболя и рыбною ловлей. Только лишь въ 1886 г. они отбыли въ Уссурійскій край. «Дома свои бросаютъ,—пишетъ корреспондентъ:—ѣдутъ съ весьма тощими карма-

нами; берутъ кое-какой скарбъ, да по одной лошади» (*Владивостокъ* 1886 г., № 22). Въ настоящее время между селеніями Большое и Малое Такоэ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, находится пожарище; тутъ стояло когда-то вольное селеніе Воскресенское; избы, оставленныя хозяевами, были сожжены бродягами. Въ Чибисани же, говорятъ, до сихъ поръ еще сохранились въ цѣлости избы, часовня и даже домъ, въ которомъ помѣщалась школа. Я тамъ не былъ.

Изъ вольныхъ поселенцевъ осталось на островѣ только трое: Хомутовъ, о которомъ я уже упоминалъ, и двѣ женщины, родившіяся въ Чибисани. Про Хомутова говорятъ, что онъ «патается гдѣ-то» и живетъ, кажется, въ Муравьевскомъ посту. Его рѣдко видятъ. Онъ охотится на соболей и ловить въ бухтѣ Буссе осетровъ. Что касается женщинъ, то одна изъ нихъ, Софья, замужемъ за крестьяниномъ изъ ссыльных Барановскимъ и живетъ въ Мицулькѣ, другая, Анисья, за поселенцемъ Леоновымъ, живетъ въ Третьей Пади. Хомутовъ скоро умретъ, Софья и Анисья уйдутъ съ мужьями на материкъ, и такимъ образомъ о вольныхъ поселенцахъ скоро останется одно только воспоминаніе.

Итакъ, вольную колонизацію на югѣ Сахалина слѣдуетъ признать неудавшуюся. Виноваты ли въ этомъ естественныя условія, которыя на первыхъ же порахъ встрѣтили крестьянъ такъ сурово и недружелюбно, или же все дѣло испортили неумѣлость и неряшливость чиновниковъ, рѣшить трудно, такъ какъ опытъ былъ непродолжителенъ, и, къ тому же, еще приходилось производить экспериментъ надъ людьми, повидимому, неусидчивыми, пріобрѣтшими въ своихъ долгихъ скитаніяхъ по Сибири вкусъ къ кочевой жизни. Трудно сказать, къ чему бы привелъ опытъ, если-бъ онъ былъ повторенъ *). Собственно для ссыльной колоніи неудавшійся

*) Этотъ опытъ касается одного только Сахалина, между тѣмъ, Д. Г. Тальбергъ, въ своемъ очеркѣ *Ссылка на Сахалинъ* (*Вѣстникъ Европы* 1879 г., V), придаетъ ему общее значеніе и, говоря по поводу его вообще о нашей неспособности къ колонизаціи, приходитъ даже къ такому выводу: «не пора ли намъ отказаться отъ всякихъ колонизаціонныхъ попытокъ на Востокъ?» Въ своемъ примѣчаніи къ статьѣ проф. Тальберга редакция *Вѣстника Европы* говоритъ, что «мы едва ли найдемъ другой примѣръ колонизаторскихъ способностей, какія представилъ русскій народъ въ своемъ прошедшемъ, когда онъ овладевалъ всемъ европейскимъ Востокомъ и Сибирью». И при этомъ почтенная редакция ссылается на трудъ покойнаго

опытъ пока можетъ быть поучителенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вольные поселенцы сельскимъ хозяйствомъ занимались недолго и въ послѣднія десять лѣтъ до переѣзда на материкъ промышляли только рыбною ловлей и охотой; и въ настоящее время Хомутовъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, находитъ для себя болѣе подходящимъ и выгоднымъ ловить осетровъ и стрѣлять соболей, чѣмъ сѣять пшеницу и сажать капусту; во-вторыхъ, удержатъ на югѣ Сахалина свободного человѣка, когда ему изо-дня-въ-день толкуютъ, что только въ двухъ дняхъ пути отъ Корсаковска находится теплый и богатый Южно-Уссурийскій край,—удержатъ свободного человѣка, если, къ тому же, онъ здоровъ и полонъ жизни, невозможно.

Коренное населеніе Южнаго Сахалина, здѣшніе инородцы, на вопросъ, кто они, не называютъ ни племени, ни націи, а отвѣчаютъ просто: *айно*. Это значить—человѣкъ. Въ этнографической картѣ Шренка площадь распространенія айно, или айну, обозначена желтою краской, и эта краска сплошь покрываетъ японскій островъ Матсмай и южную часть Сахалина до залива Терпигнія. Живутъ они также еще на Курильскихъ островахъ и называются поэтому у русскихъ курилами. Численный составъ айно, живущихъ на Сахалинѣ, не опредѣленъ точно, но не подлежитъ сомнѣнію все-таки, что племя это исчезаетъ и, притомъ, съ необыкновенною быстротою. Врачъ Добротворскій, 25 лѣтъ

проф. Ешевскаго, который представилъ «изумительную картину русской колонизаціи».

Въ 1869 г. нѣкій промышленникъ привезъ на югъ Сахалина съ острова Кадьяка 20 алеутовъ обоего пола для охоты на зябля. Ихъ поселили около Муравьевскаго поста и выдавали имъ провизію. Но они ровно ничего не дѣлали, а только ѣли и пили, и черезъ годъ промышленникъ увезъ ихъ на одинъ изъ Курильскихъ острововъ. Приблизительно въ то же самое время въ Корсаковскомъ посту поселили двухъ китайцевъ, политическихъ изгнанниковъ. Такъ какъ они выразили желаніе записаться сельскимъ хозяйствомъ, то генералъ-губернаторъ Восточной Сибири приказалъ выдать каждому изъ нихъ шесть быковъ, лошадь, корову, сѣмена для посѣва и продовольствіе на два года. Но ничего этого они не получили, по немѣнію будто бы свободныхъ запасовъ, и, въ концѣ-концовъ, ихъ отправили на материкъ. Къ вольнымъ колонизаторамъ, тоже неудачнымъ, пожалуй, можно отнести также и николаевскаго мѣщанина Семенова, маленькаго, тощенькаго человѣка, лѣтъ 40, который бродитъ въ настоящее время по всему югу и старается отыскать золото.

назадъ служившій на Южномъ Сахалинѣ *), говорить, что было время, когда около одной липы бухты Буссе было 8 большихъ айпскихъ селеній и число жителей въ одномъ изъ нихъ доходило до 200; около Найбы онъ видѣлъ слѣды многихъ селеній. Для своего времени онъ гадательно приводитъ три цифры, взятая изъ разныхъ источниковъ: 2.885, 2.418, 2.050, и послѣднюю считаетъ наиболѣе достовѣрной. По свидѣтельству одного автора. его современника, отъ Корсаковского поста въ обѣ стороны по берегу шли айпскія селенія. Я же около поста не засталъ уже ни одного селенія и видѣлъ нѣсколько айпскихъ юртъ только около Большого Такоэ и Сіанцы. Въ *Вѣдомости о числѣ проживающихъ инородцевъ за 1889 г. по Корсаковскому округу* численный составъ айно опредѣляется такъ: 581 мужчинъ и 569 женщинъ.

Причинами исчезанія айно Добротворскій считаетъ опустошительныя войны, будто бы происходившія когда-то на Сахалинѣ, незначительную рождаемость вслѣдствіе неплодовитости айнокъ, а главное болѣзни. У нихъ всегда наблюдались сифилисъ, цынга; бывала, вѣроятно, и оспа **).

Но всѣ эти причины, обуславливающія обыкновенно хроническое вымираніе инородцевъ, не даютъ объясненія, почему айно исчезаютъ такъ быстро, почти на нашихъ глазахъ; вѣдь, въ послѣднія 25—30 лѣтъ не было ни войнъ, ни значительныхъ эпидемій, а, между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени племя уменьшилось больше, чѣмъ на половину. Мнѣ кажется, вѣрнѣе будетъ предположить, что это быстрое исчезаніе, похожее на таяніе, происходитъ не отъ одного вымиранія, но также и отъ переселенія айно на сосѣдніе острова.

До занятія Южнаго Сахалина русскими, айно находились

*) Послѣ него остались двѣ серьезныя работы: *Южная часть острова Сахалина* (извлеченіе изъ военно-медицинскаго отчета). Изд. сиб. отд. Имп. рус. геогр. общества 1870 г., т. I, №№ 2 и 3, и *Айско-русскій словарь*.

**) Трудно предположить, чтобы эта болѣзнь, производившая опустошенія на Сѣв. Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ, щадила бы Южн. Сахалинъ. А. Полонскій пишетъ, что юрту, въ которой случился покойникъ, айно оставляютъ и, вмѣсто нея, строятъ другую на новомъ мѣстѣ. Такой обычай, очевидно, произошелъ въ тѣ времена, когда айно въ страхъ передъ эпидеміями покидали свои зараженные жилища и селились на новыхъ мѣстахъ.

у японцевъ почти въ крѣпостной зависимости, и поработить ихъ было тѣмъ легче, что они кротки, безотвѣтны, а главное, были голодны и не могли обходиться безъ рису *).

Занявши Южный Сахалинъ, русскіе освободили ихъ и до послѣдняго времени охраняли ихъ свободу, защищая отъ обидъ и избѣгая вмѣшиваться въ ихъ внутреннюю жизнь. Бѣглецы каторжники въ 1884 году перерѣзали нѣсколько айпскихъ семействъ; рассказываютъ также, будто былъ выстѣченъ розгами какой-то айнецъ-каюръ, который отказывался везти почту, и бывали покушенія на пѣломудріе айнокъ, но о подобнаго рода притѣсненіяхъ и обидахъ говорятъ какъ объ отдѣльныхъ и въ высшей степени рѣдкихъ случаяхъ. Къ сожалѣнію, русскіе вмѣстѣ со свободой не принесли рису; съ уходомъ японцевъ никто уже не ловилъ рыбы, заработки прекратились и айно стали испытывать голодъ. Кормиться, подобно гилякамъ, одною рыбой и мясомъ они уже не могли,—нуженъ былъ рисъ, и вотъ, несмотря на свое нерасположеніе къ японцамъ, побуждаемые голодомъ, начали они, какъ говорятъ, выселяться на Матсмай. Въ одной корреспонденціи (*Голосъ* 1876 г., № 16) я прочелъ, будто бы депутація отъ айно приходила въ Корсаковскій постъ и просила дать работы, или, по крайней мѣрѣ, сѣмянъ для разводки картофеля и научить ихъ воздѣлывать подъ картофель землю; въ работѣ будто бы было отказано и сѣмена картофеля обѣщали прислать, но обѣщанія не исполнили, и айно, бѣдствуя, продолжали переселяться на Матсмай. Въ другой корреспонденціи, относящейся къ 1885 г. (*Владивостокъ*, № 28), говорится тоже, что айно дѣлали какія-то заявленія, которыя, повидимому, не были уважены, и что они сильно желаютъ выбратъся съ Сахалина на Матсмай.

Айно смуглы, какъ цыгане; у нихъ большія окладистыя бороды, усы и черные волосы, густые и жесткіе; глаза у нихъ темные, выразительные, кроткіе. Роста они средняго и сложенія крѣпкаго, коренастаго, черты лица крупны, грубоваты, но въ нихъ, по выраженію моряка В. Римскаго-Корсакова, нѣтъ ни монгольской приплюснины, ни китайскаго узкоглазія. Находятъ, что бородатые айно очень по-

*) Римскому-Корсакову айно говорили: «Сизамъ спитъ, а айно работаетъ для него: рубить лѣсъ, ловить рыбу; айно не хочетъ работать—сизамъ его колотитъ».

хожи на русских мужиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда айно надѣваетъ свой халатъ, въ родѣ нашей чуйки, и подпоясывается, то становится похожимъ на купеческаго кучера *).

Тѣло айно покрыто темными волосами, которые на груди иногда растутъ густо, пучками, но до мохнатости еще далеко, между тѣмъ борода и волосатость, составляющая такую рѣдкость у дикарей, поражали путешественниковъ, которые по возвращеніи домой описывали айно, какъ мохнатыхъ. И наши казаки, въ прошломъ столѣтіи бравшіе съ нихъ ясакъ на Курильскихъ островахъ, тоже называли ихъ мохнатыми.

Аино живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ народами, у которыхъ растительность на лицѣ отличается скудостью, и немудрено поэтому, что ихъ широкія бороды ставятъ этнографовъ въ немалое затрудненіе; наука до сихъ поръ еще не отыскала для айно настоящаго мѣста въ расовой системѣ. Айно относятъ то къ монгольскому, то къ кавказскому племени; одинъ англичанинъ нашелъ даже, что это потомки евреевъ, заброшенныхъ во времена дны на японскіе острова. Въ настоящее время наиболѣе вѣроятными представляются два мнѣнія: одно, что айно принадлежатъ къ особой расѣ, населявшей нѣкогда всѣ восточно-азіатскіе острова, другое же, принадлежащее нашему Шренку, что это народъ палѣ-азіатскій, издавна вытѣсненный монгольскими племенами съ материка Азіи на его островную окраину, и что путь этого народа изъ Азіи на острова лежалъ черезъ Корею. Во всякомъ случаѣ, айно двигались съ юга на сѣверъ, изъ тепла въ холодъ, мѣняя постоянно лучшія условія на худшія. Они не воинственны, не терпятъ насилія; покорять, поработать или вытѣснять ихъ было нетрудно. Изъ Азіи ихъ вытѣснили монголы, изъ Ниппона и Матсмая—японцы, на Сахалинѣ гиляки не пустили ихъ выше Тарайки, на Курильскихъ островахъ они встрѣтились съ казаками и, такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, очутились въ положеніи безвыходномъ. Въ настоящее время айно, обыкновенно безъ шапки, босой и въ портахъ, подсученныхъ выше колѣнъ, встрѣчаясь съ вами по дорогѣ, дѣлаетъ вамъ реверансъ и

*) Въ книгѣ Шренка, о которой я уже говорилъ, есть таблица съ изображеніемъ айно. См. также книгу *Фр. Гельвальда: «Естественная исторія племенъ и народовъ»*, т. II, гдѣ айно изображенъ во весь ростъ, въ халатѣ.

при этомъ взглядываетъ ласково, но грустно и болѣзненно, какъ неудачникъ, и какъ будто хочетъ извиниться, что борода у него выросла большая, а онъ все еще не сдѣлалъ себѣ карьеры.

Подробности объ айно см. у Шренка, Добротворскаго и А. Полонскаго *). То, что было сказано о пищѣ и одеждѣ у гиляковъ, относится и къ айно, съ тою лишь прибавкой, что недостатокъ риса, любовь къ которому айно унаслѣдовали отъ пращуровъ, жившихъ когда-то на южныхъ островахъ, составляетъ для нихъ серьезное лишеніе; русскаго хлѣба они не любятъ. Пища у нихъ отличается бѣльшимъ разнообразіемъ, чѣмъ у гиляковъ; кромѣ мяса и рыбы, они ѣдятъ разныя растенія, моллюсковъ и то, что итальянскіе нищіе называютъ вообще *frutti di mare*. Ёдятъ они понемногу, но часто, почти каждый часъ; прожорливости, свойственной всѣмъ сѣвернымъ дикарямъ, у нихъ не замѣчается. Такъ какъ груднымъ дѣтямъ приходится съ молока переходить прямо на рыбу и китовый жиръ, то ихъ отнимаютъ отъ груди поздно. Римскій-Корсаковъ видѣлъ, какъ айнку сосалъ ребенокъ лѣтъ трехъ, который отлично уже двигался самъ и даже имѣлъ на ремennomъ поясѣ ножикъ, какъ большой. На одеждѣ и жилищахъ чувствуется сильное вліяніе юга,—не сахалинскаго, а настоящаго юга. Лѣтомъ айно ходятъ въ рубахахъ, сотканыхъ изъ травы или луба, а раньше, когда были не такъ бѣдны, носили шелковые халаты. Шапокъ они не носятъ, лѣто и всю осень до снѣга ходятъ босикомъ. Въ юртахъ у нихъ дымно и смрадно, но все-таки гораздо свѣтлѣе, опрятнѣе и, такъ сказать, культурнѣе, чѣмъ у гиляковъ. Около юртъ обыкновенно стоятъ сушильни съ рыбой, распространяющей далеко вокругъ промозглый, удушливый запахъ; воютъ и грызутся собаки; тутъ же иногда можно увидѣть небольшой срубъ-кѣтку, въ которомъ сидитъ молодой медвѣдь: его убьютъ и съѣдятъ зимой на такъ называемомъ медвѣжьемъ праздникѣ. Я видѣлъ однажды утромъ, какъ айнская дѣвочка-подростокъ кормила медвѣдѣя, просовывая ему на лопаточкѣ сушеную рыбу, смоченную въ водѣ. Сами юрты сложены изъ накатника и тесу; крыша, изъ тонкихъ жердей, покрыта сухою травой.

*) Изслѣдованіе А. Полонскаго *Курилъ* напечатано въ *Запискахъ Им. Русск. Геогр. Общества* 1871 г., томъ IV.

Внутри у стѣнъ тянутся нары, выше ихъ полки съ раз-
ной утварью; тутъ, кромѣ шкуръ, пузырей съ жиромъ, сѣ-
тей, посуды и проч., вы найдете корзины, циновки и даже
музыкальный инструментъ. На нарѣ обыкновенно сидятъ
хозяинъ и, не переставая, курить трубочку, и если вы за-
даете ему вопросы, то отвѣчать неохотно и коротко, хотя
и вѣжливо. Посреди юрты стоитъ очагъ, на которомъ го-
рятъ дрова; дымъ уходитъ черезъ отверстіе въ крышѣ.
Надъ огнемъ виситъ на крюкѣ большой черный котелъ; въ
немъ кипятъ уха, сѣрая, пѣнистая, которую, я думаю, евро-
пеецъ не сталъ бы ѣсть ни за какія деньги. Около котла
сидятъ чудовища. Насколько солидны и благообразны айно-
мужчины, настолько непривлекательны ихъ жены и матери.
Наружность айнскихъ женщинъ авторы называютъ безобраз-
ной и даже отвратительной. Цвѣтъ смугло-желтый, перга-
ментный, глаза узкіе, черты крупныя; невьющіяся, жесткіе
волосы висятъ черезъ лицо пѣтлами, точно солома на ста-
ромъ сараѣ, платье неопрятное, безобразное, и при всемъ
томъ—необыкновенная художавость и старческое выраженіе.
Замужнія красятъ себѣ губы во что-то синее и отъ этого
лица ихъ совершенно утрачиваютъ образъ и подобіе чело-
вѣческіе, и когда мнѣ приходилось видѣть ихъ и наблюдать
ту серьезность, почти суровость, съ какою онѣ мѣшаютъ
ложками въ котлахъ и снимаютъ грязную пѣну, то мнѣ
казалось, что я вижу настоящихъ вѣдьмъ. Но дѣвочки и дѣ-
вушки не производятъ такого отталкивающаго впечатлѣнія*).

*) Н. В. Буссе, рѣдко отзывавшійся о комъ-нибудь милостиво,
между прочимъ, такъ аттестуетъ айнокъ: «Вечеромъ пришелъ ко мнѣ
пьяный айпъ, пзвѣстный мнѣ, какъ большой пьяница. Онъ привелъ
съ собою свою жену, и, сколько я могъ попятъ, съ цѣлю пожертво-
вать вѣрностью ея супружескому ложу и тѣмъ выманить у меня
хорошіе подарки. Айпка, довольно красивая собою, казалось, готова
была помочь своему мужу, но я подавалъ видъ, что не понимаю ихъ
объясненій... Выйдя изъ дому моего, мужъ и жена безъ церемоній
передъ моимъ окошкомъ и въ виду часового отдали долгъ природѣ.
Вообще айпка эта не показывала большого женскаго стыда. Грудь
ея почти не были закрыты ничѣмъ. Айпки носятъ такое же платье,
какъ и мужчины, т. е. нѣсколько распахнутыхъ короткихъ халатовъ,
пзко перепоисанныхъ кушакомъ. Рубашекъ и нижняго платья онѣ
не имѣютъ и потому малѣйшій беспорядокъ въ ихъ платьѣ высказы-
ваетъ всѣ скрытыя прелести». Но даже и этотъ суровый авторъ
признается, что «между молодыми дѣвушками были нѣкоторыя до-
вольно хорошенкія, съ пріятными и мягкими чертами лица и съ